Чему ви се зелените

XI. ПИСЬМО ИЗЪ ПРОВИНЦИИ. Вы хотите, друзья, чтобъ я вамъ сообщалъ мои наблюденія, замѣчанія о дальнемъ краѣ, куда меня забросила судьба: извольте. Но съ чего начать? Въ какомъ порядкѣ передавать вамъ мысли? Хорошо встарину

писали путешествія, съ большимъ порядкомъ, на пр. Плано Карпини мало того что въ предисловіи говоритъ о чемъ рѣчь въ главахъ, но даже въ самыхъ главахъ систематически предрасполагаетъ порядокъ изложенія. За Плано Карпини не угоняешься, его книга переведена съ Латинскаго, читается всѣми образованными людьми, а кто будетъ переводить мои письма на Латинской языкъ? Въ одномъ хотѣлось бы сравняться съ Плано Карпини.... онъ, насмотрѣвшись досыта на Татаръ, уѣхалъ на родину....

Je suis en Asie!
Catherine II à Voltaire, de Casan.

Маленькой городокъ *Чебоксары* не похожъ на наши маленькіе городки великороссійскіе. Я тутъ въ первый разъ замѣтилъ даль отъ Москвы: толпы Черемисъ и Чувашей, ихъ пестрый нарядъ, странное нарѣчіе и пѣвучее произношеніе — ясно сказали о въѣздѣ въ другую полосу Россіи, запечатлѣнную особымъ характеромъ. До Казанской губерніи мало замѣтно пространство, отдѣляющее отъ древней столицы, особенно въ городахъ. Владиміръ, Нижній, слитые съ нею, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, живущіе ея жизнію, похожи на дальніе кварталы Москвы. У нихъ одно средоточіе, къ нему все примкнуто. Около Казани своя полоса. Казань, нѣкоторымъ образомъ, главное мѣсто, средоточіе губерній, прилегающихъ къ ней съ юга и востока: онѣ получаютъ чрезъ нее просвѣщеніе, обычаи и моды. Вообще значеніе Казани велико: это

мѣсто встрѣчи и свиданія двухъ міровъ. И потому въ ней два начала: западное и восточное, и вы ихъ встрѣтите на каждомъ перекресткѣ; здѣсь они отъ безпрерывнаго дѣйствія другъ на друга сжались, сдружились, начали составлять нѣчто самобытное по характеру. Далѣе, на востокъ, слабѣетъ начало Европейское, далѣе на западъ мертвѣетъ восточное начало. Ежели Россіи назначено, какъ провидѣлъ Великій Петръ, перенести западъ въ Азію, и ознакомить Европу съ востокомъ, то нѣтъ сомнѣнія, что Казань главный Караванъ-Сарай на пути идей Европейскихъ въ Азію и характера азіатскаго въ Европу. Это выразумѣлъ Казанскій Университетъ. Ежели бы онъ ограничилъ свое призваніе распространеніемъ одной Европейской *науки*, значеніе его осталось бы второстепеннымъ; онъ долго не могъ бы догнать не только германскіе университеты, но наши, на пр. Московскій и Дерптскій; а теперь онъ стоитъ рядомъ съ ними, занявъ самобытное мѣсто, принадлежащее ему по мѣсту рожденія. На его каѳедрахъ преподаются въ обширномъ объемѣ восточныя литтературы, и преподаются часто Азіатцами; въ его музеумахъ больше одеждъ, рукописей, древностей, монетъ *Китайскихъ*, *Манжурскихъ*, *Тибетскихъ*, нежели *Европейскихъ*. Удивитесь ли вы, послѣ этого, встрѣтивъ въ рядахъ его студентовъ *Бурятъ*. Но все это наша Русь, святая Русь: я это *чувствовалъ*, приплывъ по разливу Вояги къ стѣнамъ кремля. Казанскій Кремль, какъ Нижегородскій, имѣетъ родственное сходство съ Московскимъ кремлемъ: это меньшіе братья его. Греческая вѣра

и византійское зодчество привились глубоко къ жизни Руси. Смотря на наши соборы и кремли, какъ будто слышится родной напѣвъ и родной говоръ.

Подъѣзжая къ Казани на паромѣ, первое что я увидѣлъ, былъ памятникъ Царя Іоанна Васильевича. Здѣсь онъ на мѣстѣ, здѣсь Грозный исполнилъ великое; здѣсь онъ былъ герой и предтеча Петра, силою оружій занявшій мѣсто для простора идеямъ его, для простора Русскому духу.

Положеніе города нехорошо. Казань по татарски значитъ *котелъ*; въ самомъ дѣлѣ онъ во впадинѣ; бѣденъ чистой водою; въ немъ много сырыхъ мѣстъ. Строенія довольно чисты; главныя улицы красивы; на нихъ все живо; вездѣ толпятся, кричатъ, шумятъ; множество бурлаковъ съ атлетической красотой формъ; множество Татаръ съ продажными *ичигами* и *тибитейками*, * съ халатами и въ халатахъ, съ приплюснутымъ носомъ, узенькими глазками и хитрымъ выраженіемъ лица. Словомъ, вездѣ вы видите большой городъ, исполненный жизни, центральный своего края, торговый, и что всего важнѣе, городъ двуначальный: Европейско-Азіатскій.

Въ Казани провелъ я нѣсколько дней. Досадно мнѣ было, что обстоятельства не дозволили основательно изучить ее. При выѣздѣ изъ Казани, по сибирскому тракту, видъ прелестный: въ этомъ видѣ что-то поширѣ той природы, къ которой мы привыкли. Русское населеніе смѣнялось Татарскимъ, Татарское-Финскимъ. Жалкія, бѣдныя племена Чере-

* Сафьянные сапоги и шитыя шапочки.

мисъ, Вотяковъ, Чувашей и Зырянъ, нагнали на меня тоску. Я вспомнилъ Императрицу Екатерину; она писала въ 1767 году къ Волтеру, изъ Казани: »Я «въ Азіи! Я собственными глазами хотѣла видѣть «этотъ край. Въ Казани двадцать различныхъ наро«довъ, ни сколько не похожихъ другъ на друга; а «имъ надобно сшить одну одежду, удобную для всѣхъ. «Конечно есть общія начала; но частности и какія «частности: надобно создать цѣлый міръ, соединить «его, сохранить.» Великая Императрица постигла многое, окинувъ геніальнымъ взоромъ одинъ участокъ Россіи, которую Петръ Великій не напрасно называлъ цѣлою *частію свѣта*.

А. Г.